

Меняем «бусы» на нефть

Модернизация по-русски:
имитация и формализм

О модернизации России и ее «инновационном развитии» политическое руководство страны заговорило после известной политической рокировки. При прежнем президенте России Д. Медведеве была создана специальная комиссия по модернизации, ориентирами деятельности которой стали пять приоритетных направлений: внедрение новейших медицинских, энергетических и информационных технологий, развитие космических и телекоммуникационных систем, радикальное повышение энергоэффективности. Несмотря на то, что в нашумевшей статье «Россия, вперед!» бывший президент использовал термин «модернизация» в более широком значении, включив в его состав «модернизацию российской демократии» и «формирование новой (умной) экономики», нелюбимые политкомментаторы сразу же определили, что модернизация интерпретируется Кремлем главным образом в технологическом ключе.

Более того. По мнению некоторых (когда-то влиятельных) аналитиков провозглашенная политика модернизации в действительности есть не что иное, как «прогрессизм» — инструментальный ответ на геополитические вызовы без четко обозначенной цели, позволяющей власти инициировать политику «чрезвычайщины» и позиционировать себя в качестве «инновационной». «Этой власти, — констатирует Глеб Павловский, — “все по плечу”. В прошлом любая экстремальная задача решалась силами команды, собиравшейся *ad hoc*, — и последняя из таких команд управляет Россией. Естественно, она уверена, что любая будущая задача может быть решена таким же способом. Если бы оказалось, что судьба России зависит не от инноваций, а, скажем, от полета на Юпитер, — власть организовала бы полет на этот чертов Юпитер»¹.

В конце 2012 года в одном интервью Павловский высказался в том же ключе, заявив, что у президента и его окружения нет «стратегии, нет культуры мышления о сложных вещах»². К сожалению, вынужден согласиться-

ГРАНИН Юрий Дмитриевич — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Академии медиаиндустрии, доктор философских наук.

¹ Павловский Г. Инновационная власть пытается соблазнить экономику // Русский журнал. 2010. № 46—47. С. 2.

² Павловский Г. Больше всего Путин, по-моему, опасается стать лишним // Новая газета. 24.10.2012 (www.novayagazeta.ru/politics/55076.html).

Ключевые слова: экономика, реформы, модернизация, наука, техника, образование, промышленность, инновации, постиндустриализм.

ся с этими оценками — с той лишь поправкой, что культуры мышления о сложных вещах нет и у тех, кто формирует проекты для властных структур. Последние находятся под обаянием унаследованных теоретических клише, опирающихся на парадигму одновекторного «линейного прогресса», с характерным для нее использованием традиционного понятийного аппарата и устремленностью в «общее будущее» — идеальное состояние, которого будто бы достигли «цивилизованные страны». Помимо неизбежных упрощений, блокирующих доступ исследователей к российским реалиям, эта теоретическая оптика чревата синдромом постоянного реформаторства, основанного на стремлении насильственного уподобления России странам «идеального Запада», опыт которых надо заимствовать.

Но «догнать и перегнать» Запад не получается. В том числе и потому, что наш курс на «модернизацию», как я попытаюсь показать, во многом имеет имитационный характер, специфика которого, помимо нежелания Кремля проводить системную модернизацию, заключается в некритическом использовании и насильственном насаждении западных моделей организации образования и науки при полном игнорировании мнения специалистов и общественности. Начать целесообразно с обсуждения концепций модернизации и их критики, результаты которой позволили существенным образом переосмыслить процесс мировой динамики XVII—XX столетий.

Прежде всего обратим внимание на общеупотребимое значение термина «модерн» (то есть современность) — эпоха в развитии капитализма, начало которой датируется Новым временем. Именно тогда, полагали основоположники теории модернизации Р. Арон, У. Ростоу, Ш. Эйзенштадт и др., первоначально локализованная в странах Западной Европы а затем распространившаяся по всему миру сформировалась *modernity* (современность) — наилучшая («капиталистическая») хозяйственная система и одновременно передовой тип общественного (экономического, социального и политического) развития и тип общества, выступающие для государств и народов иной цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования.

Эта точка зрения, интерпретирующая историю человечества XVII—XX столетий с позиций европоцентризма, была господствующей вплоть до начала 1970-х годов. Ее основной постулат — все общества проходят эволюционные стадии роста на пути от примитивной, статичной и функционально неразделенной «традиционности» к «современности». А та в свою очередь характеризуется господством капиталистического уклада хозяйства, подчеркнутой персональностью, преобладанием инноваций над традициями, инновационной динамичностью, рациональным научным управлением, неуклонным материальным ростом, новым типом государственности (суверенное правовое демократическое государство), дифференциацией на функциональные сферы экономики, политики и культуры. Тем самым всемирно-исторический процесс интерпретировался в виде некоего линейного прогресса с эксплицитно заданной и, как позже выяснилось, идеологически окрашенной целью: предполагалось, что все страны должны стремиться достичь высшего уровня современности, воплощением которого объявлялись США.

Однако интеллектуалы этих стран (из Азии, Африки, но прежде всего — из Латинской Америки), труды которых образовали направление «постко-

лониальных» исследований, подвергли сомнению положение большинства теорий модернизации о том, что «неразвитые» страны обязательно должны повторить путь, который уже прошли нынешние развитые государства. Многие латиноамериканские страны обрели независимость еще в начале—середине XIX века и с тех пор неоднократно предпринимали попытки модернизации. Однако им так и не удалось сколько-нибудь приблизиться к экономикам стран Запада и США. Причины такого положения дел были глубоко проанализированы в неомарксистских концепциях «периферийного капитализма» Р. Пребиша, «зависимого развития» (депендетизма) П. Бэрна, С. Фуртадо, Ф. Кардозу, концепции «развития недоразвития» А. Г. Франка и «неэквивалентного обмена» А. Эммануэля. Их лейтмотивом стала идея естественноисторического развития социальных форм жизни, при котором «культура имеет значение» для развития капитализма в странах разной цивилизационной принадлежности.

В 1970-е годы эту мысль подхватили последователи Ф. Броделя — основоположник мир-системного подхода И. Валлерстайн и его коллеги (А. Бергезен, Ф. Борншир, К. Чейз-Дан, С. Амин, А. Франк и др.), занявшиеся изучением истории становления глобальной системы капитализма. Важно иметь в виду, что мир-системная теория предложила новую методологию изучения социальной реальности, отличную не только от господствовавших в западной социологии того времени концепций модернизации, но и от структурного функционализма Т. Парсонса. Прежде всего, Валлерстайн изменил представление о фундаментальных объектах исследования. Он отказывается от понятия «общество» и заменяет его концептом «историческая система», подчеркивая тем самым непрерывную динамику общественных процессов, их «жизненную» природу.

Исторические системы как фундаментальные объекты исследования Валлерстайн разделяет на две группы: «мини-системы» и «мир-системы» (или миросистемы). По мысли социолога, анализу подлежат только мир-системы (world-system) — «крупные и устойчивые во времени единицы». Мир-система для социолога — «это *не* просто *мировая система*, а система, которая сама *есть мир* и которая фактически почти всегда была меньше, чем весь мир»³. Он делит мир-системы на *мир-империи* — обширные политические структуры (например, Египет эпохи фараонов, Римская империя или Китай династии Хань) и *мир-экономики* — неравномерные цепи структур, основанные на торговле и производстве.

Таким образом, созданный Валлерстайном мир-системный анализ основывается на новой научной картине социального мира, вводит новый фундаментальный объект исследования — «исторические системы», меняет философские основания социоэкономического исследования. Онтологические основания его теории представляются сеткой категорий: «мир-система», «мир-экономика», «мир-империя», «время-пространство», «время большой длительности», «ядро», «периферия», «вековые тренды», «геоистория», «геокультура» и т. д.

Подчеркивая значимость этого обстоятельства, следует иметь в виду европоцентричный характер мировой динамики Валлерстайна, которая плохо согласовывалась с историческими данными, на что обратили внимание

³ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М., 2006. С. 211.

последователи «линии Броделя» в мир-системном анализе А. Г. Франк и Б. Джиллс. Они выступили против идеи Валлерстайна о зарождении капитализма в Европе и неизменном разделении мира на «центр», «периферию» и «полупериферию». Критикуя европоцентризм Валлерстайна, они доказывали, что смещение мировых центров с Востока на Запад произошло в период 1250—1450-х годов, охватывающий первый «вековой тренд» Броделя. По их мнению, новая европейская капиталистическая система возникла на периферии существующей восточной системы. Эту точку зрения сейчас разделяют многие современные сторонники мир-системного подхода, которые на основе большого конкретно-исторического материала относят существование восточной мир-системы в средние века и даже в эпоху бронзового века.

В итоге оформился принципиальный поворот изучения истории человечества как глобальной целостности совсем в другом ракурсе — ракурсе противостоящего европоцентризму нелинейного полицентризма исторического развития, связанного с периодическими смещениями «центров» мировой динамики. В работах П. Абу-Лахгод, С. Амина, Эдварда В. Саида, Б. Тернера, П. Кеннеди это направление исследований получило название «реориентализм». Некоторые идеи и результаты этих исследований способствовали уточнению и развитию «модернистской парадигмы» в социальных исследованиях, на основе которой сформировался так называемый *модернистский подход*.

Как и другие, он не является внутренне единым, а представляет сложную совокупность многочисленных теорий модернизации и постиндустриализма, находящихся между собой в отношениях конкуренции, но объединенных общим представлением о наступлении принципиально нового, постиндустриального или постмодернистского, этапа в развитии человечества⁴. Игнорируя пропагандируемую мир-системниками возможность смены полюсов мирового развития, они едины в негативном отношении к теориям локальных цивилизаций, предпочитая оперировать макроисторическими категориями, выстраивая проекции исторического развития по линиям «аграрное — индустриальное — постиндустриальное общества» или «досовременное состояние — эпоха (общество) модерни — эпоха постмодернити (постсовременность)». За рубежом приверженцами модернистского подхода являются Д. Белл, Э. Гидденс, П. Дракер, С. Крук, С. Лэш, а в России — В. Иноземцев, С. Караганов и ряд других авторов.

Как представляется, картина мировой динамики будет более полной, если мы используем ключевые идеи этих парадигм в корпусе цивилизационного анализа — то есть в контексте формирования, развития и конкуренции цивилизаций, наилучшей политической формой которых на протяжении многих столетий выступали «империи», в пределах которых формировались особые «мир-экономики». В этом случае становление и развитие «модернити», включая капиталистические формы хозяйствования, выступит как «культурное ядро» западноевропейской цивилизации с присущим только ей одной синтетическим (антично-христианским) видением мира, человека и его места в мире, постепенно, в ходе колониальных завоеваний распространявшее свое влияние на весь мир.

⁴ Более подробно о специальных различиях теорий модернизации и постиндустриализма см. **Иноземцев В. Л.** Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая индустриальная волна на Западе: антология. М., 1999. С. 3—66.

Однако современное доминирующее положение евроатлантической цивилизации (выросшей из западноевропейской), прошедшей в своем развитии ранне-, среднеиндустриальную и проходящей постиндустриальную стадии, нельзя объяснить лишь территориальной, военной и политической экспансией составляющих ее колониальных империй, экономическое процветание которых во многом было достигнуто за счет внешних источников. Нынешнее эмпирически наблюдаемое разделение мира на страны экономически и политически доминирующего «центра», страны «полупериферии» (Индия, Китай, Россия, новые индустриальные страны — НИС) и «периферии» (государства «третьего» и «четвертого» мира) было обусловлено не только более высокими темпами роста Запада, обеспеченными социокультурой модернити, но и ограничениями собственного развития догоняющих Запад стран.

Эти ограничения имели объективный и субъективный характер. Объективные ограничения были исторически заданы «стартовыми возможностями», инерцией институтов архаики и социокультурными особенностями обществ, которым так и не удалось имплантировать модерни в тело своих культур. Субъективные — нежеланием правящих элит и населения многих стран осуществлять модернизацию в форме «вестернизации». То есть инициировать изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX век, затем распространились на другие европейские и азиатские страны. В каждой стране «второго эшелона развития» и в разные исторические периоды сочетание этих факторов имело свой особый характер. И это обстоятельство следует учитывать, обсуждая исторические особенности модернизации России.

Анализируя их, следует иметь в виду те исторические вызовы и угрозы, с которыми наша страна сталкивалась на протяжении многих столетий. Первый вызов, который испытала Россия, — природный. По мнению В. О. Ключевского, она не могла из-за суровости природы развивать интенсивное хозяйство и пошла по экстенсивному пути — расширению земли, единственно возможному для традиционных обществ. Дальнейшие угрозы последовали из Азии (Монголия) и с Запада (от его тогдашних форпостов — Польши и Швеции). Анализируя этот период, А. Тойнби писал: «Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям, что выразилось в процессе “вестернизации”, которую возглавил Петр Великий. Эта небывалая революция раздвинула границы западного мира от восточных границ Польши и Швеции до границ Маньчжурской империи»⁵.

Разумеется, интерпретация Тойнби реформ Петра в качестве начала вестернизации России приятна русскому уху, но не соответствует действительности. Дело в том, что в силу почти полуторавековой самоизоляции от Европы (пережившей в XV—XVI веках бурный рост капитализма и эпоху Ренессанса), начатые еще при Алексее Михайловиче, Федоре Алексеевиче и Софье Алексеевне — то есть в XVII веке, все попытки «европеизировать» страну были поверхностными и имели имитационный характер. Имитация и формализм — очень частые модернизационные ошибки, не изжитые

⁵ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С.147.

нами до сего дня. Власть имущие думают, что, заимствовав внешние формы, назвав на европейский лад политические учреждения, можно изменить общественные отношения в стране, которая модернизируется.

Собственно Петр I начал именно с этого — перемены платья и бритья бород. Но он (и это важно) не собирался реформировать всю страну по европейским лекалам, вплоть до конца жизни у него даже не было сколько-нибудь продуманного плана действий: «Только разве в последнее десятилетие своей 53-летней жизни... у него начинает высказываться сознание, что он сделал кое-что новое и даже очень немало нового. Но такой взгляд является у него, так сказать, задним числом, как итог сделанного, а не как цель деятельности»⁶. Относясь к Западу с трезвым недоверием, он заимствовал из багажа модернити (во многом формально) лишь одно «политическое изобретение» — структуры госуправления: десять по-шведски устроенных коллегий и сенат, в которых при его жизни процветали ожесточенные раздоры и казнокрадство⁷. Помимо них были заимствованы формы организации промышленного производства (мануфактуры), армии, флота и что очень важно — формы организации научной деятельности и образования — Академия, а позже и университеты.

Но Петр не собирался проводить социальную и политическую модернизацию империи. Не собирались этого делать ни Елизавета, ни Екатерина, ни Александр I, реформа которого по проекту М. М. Сперанского была приостановлена запиской Н. М. Карамзина «О древней и новой России», где историк выступал против механического заимствования европейского опыта, могущего подорвать самодержавие.

Так что, частично заимствовав из Европы системы организации науки и образования для дворян и части мещанства, европеизировав лишь очень узкий слой российского дворянства, импортировав в империю немало европейских ученых, Россия, по существу, вплоть до второй половины XIX столетия оставалась неграмотной и псевдоевропейской страной, опиравшейся в своем развитии не на социальные инновации, а на традиции. Собственно модернизация начинается в России с реформ Александра II, который ввел общедоступность и внесловность начального образования, самоуправление университетов и многое другое. Именно тогда, отмечают исследователи, «Запад становится для России образцом развития, идея приблизиться к нему — догоняющей моделью модернизации, индустриализацией, капитализмом — целью, которую надо выполнить»⁸.

Но этот период длится недолго, и Россия вновь, если пользоваться терминологией А. Янова, проваливается в пропасть контрреформы, «деспотическую Московию» и очередное «особлячество от Европы», завершившиеся

⁶ **Ключевский В. О.** Курс русской истории: сочинения в 9 т. М., 1989. Т. IV. С. 191.

⁷ «Сенаторские совещания, — отмечает Ключевский, — порой превращались в брань; один другого называл вором. Или собрались сановники у генерал-прокурора праздновать взятие Дербента в 1722 г. Обер-прокурор Сената (Скорняков-Писарев. — Ю. Г.), успевший уже дважды подражаться с прокурором Юстиц-коллегии, едва не подрался с подканцлером (бароном Шафировым. — Ю. Г.), а потом оба, донося друг на друга царю и царице, извинялись — один тем, что был зело шумен (пьян), а другой тем, что был еще шумнее. ...Больше того: редкий из сенаторов миновал суда или подозрения в нечистых делах, не исключая и князя Я. Долгорукова» (*Там же*. С. 179—180).

⁸ **Федотова В. Г.** Российская история в зеркале модернизации // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 15.

революциями и образованием СССР. Советский период знаменует собой индустриальную модернизацию страны (индустриализацию) на принципиально новой экономической и политической основе — но опять-таки при определяющей роли государства.

Оставляя в стороне достаточно хорошо известные факты того времени, заметим, что ведущая роль государства в процессе индустриализации — это не историческая особенность царской России и СССР, а характерная черта всех стран второго эшелона мирового развития, попытавшихся в конце XIX — начале XX века ответить на вызов Запада и перейти к модели «догоняющего развития». Так же как и в России, в государствах Восточной и Юго-Восточной Европы, в Турции, Италии, Португалии, Испании, некоторых наиболее развитых странах Латинской Америки (Аргентине, Бразилии, Уругвае, Чили) и в Японии реакция правящих кругов на внешние угрозы и обстоятельства играла куда более важную роль в модернизации этих стран, чем внутренние импульсы к социально-экономическим и политическим преобразованиям. Иными словами, *их модернизация носила неорганичный (экзогенный) характер* и оказывалась возможной благодаря форсированному заимствованию готовых форм организации производства и социальной жизни у более развитых стран. Причем одной из стран второго эшелона, Японии, использовавшей особенности своей цивилизационной самобытности, во второй половине XX века удалось войти в группу стран первого эшелона, а кое в чем и превзойти их.

Разумеется, провозгласивший целью развития достижение социализма и коммунизма Советский Союз эпохи Сталина разительно отличался от многих современных ему государств догоняющего развития идеологией, тоталитарным характером власти и имперскими амбициями. Но не следует забывать и другое: *усиление роли государства в процессе догоняющей модернизации всегда сопровождалось установлением откровенно авторитарных режимов*. Так было в 1920—1930-х годах в Италии, Португалии, Аргентине, Японии, многих других странах, политические режимы которых получили название «авторитаризмов развития»⁹.

Такие режимы обеспечивали — как экономическими, так и административными методами, — существенное увеличение доли капиталовложений в ВВП, в том числе и за счет богатых слоев общества. Они проводили политику, направленную и на технологическую модернизацию существующей промышленности, и на создание принципиально новых для своих стран отраслей хозяйства, обеспечивали условия для подготовки новой рабочей силы, создавали национальные системы образования и научных исследований. При этом «авторитаризмы развития» использовали не только репрессии, осуществляя также и «принуждение к прогрессу». Они опирались на идеологию, обеспечивавшую общественный консенсус: общество (или по крайней мере его наиболее активная часть) соглашалось обменять политические свободы на рост материального благосостояния и расширение возможностей вертикальной социальной мобильности.

Другими словами, «авторитаризм развития», с одной стороны, отбраковывал не способную к новой работе часть населения, а с другой — откры-

⁹ См. подробнее: Авторитаризм развития: генезис, функции, перспективы («круглый стол») // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 5, № 6.

вал перспективы, в том числе и для выходцев из социальных низов, сделать карьеру честным трудом, благодаря способностям и усердию. Это наглядно проявилось в ходе ускоренных модернизаций в «новых индустриальных странах» (НИС) Азии, а сегодня наблюдается в Китае и Вьетнаме, где принцип меритократии восходит к конфуцианской традиции.

Конечно, в Советском Союзе, перед лицом грядущей войны в 1930-е годы предпринявшем масштабную ускоренную индустриализацию, «принуждение к прогрессу» осуществлялось мобилизационными, недопустимо жесткими и жестокими средствами. Но, вынося за скобки вопрос о «цене прогресса», следует признать: к началу 1960-х годов (а по мнению некоторых исследователей — еще ранее) СССР вошел в обиход индустриально развитых стран мира. Прежде всего благодаря государственной системе научных исследований.

Уже в 1918 году было принято судьбоносное решение: не демонтировать структуры прежней «императорской» организационной системы науки, а укрепить ее и сделать ядром и высшей инстанцией в советской системе. Академия наук стала генератором сети научных учреждений. Согласование взглядов Совнаркома, Академии и — что менее известно — бывших министров и промышленников царской России позволило выработать и сразу начать ряд больших научно-технических программ (ГОЭЛРО, геологоразведки и др.). Строительство науки планировалось как система. За структурную единицу был принят научно-исследовательский институт (НИИ) — новая форма учреждения. Только за 1918—1919 годы было создано 33 таких института, ставших матрицей советской научной системы. К 1929 году число НИИ достигло 406. В 1925 году ЦИК и Совнарком приняли постановление «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Советского Союза»¹⁰.

Правда, замкнутый на «оборонку» индустриальный потенциал СССР носил односторонний характер, административно-командная экономика была крайне неповоротливой и в среднесрочной перспективе не могла конкурировать с ведущими экономиками Запада. Но правда и то, что в 1960-е годы Советский Союз имел лидирующие позиции в ключевых областях науки и, по оценкам экспертов США, обладал лучшей в мире системой образования. Поэтому, если бы смена (или хотя бы перестройка по китайской модели) общественно-экономического строя произошла лет сорок назад, сегодня Россия безусловно входила бы в число экономически развитых стран мира.

Однако история не знает сослагательного наклонения: вместо «вестернизации» и даже политики «догоняющего развития» в СССР наступил «застой», суть которого заключается в том, что *социалистическое государство перестало быть «государством развития»*. Причина этого кроется не в характере общественно-политического строя, как утверждают некоторые политики и ученые, а в ряде субъективных факторов, прежде всего в догматизме и необразованности политического руководства страны и его клевретов. Общественно-политический строй и характер политического режима в отношении экономической модернизации амбивалентны: они могут либо способствовать, либо препятствовать индустриальному и экономическому развитию. Пример современного Китая — лучшее тому подтверждение. А во второй половине XX века впечатляющие образцы догоняющей индустри-

¹⁰ См. Кара-Мурза С. Наука как корень России // Развитие и экономика. 2013. № 7. С. 102.

альной модернизации дали *военно-полицейские режимы* ведущих стран Латинской Америки, так же как СССР поставившие себе целью «догнать США». Особенно успешной оказалась Бразилия.

Выдвигая планы превращения страны в великую державу, модернизаторы Бразилии в военных мундирах и их единомышленники в гражданских костюмах активно использовали в ходе преобразований мощь государственных предприятий, принимали долгосрочные программы развития различных отраслей и инфраструктуры. Причем смена конкретных лиц у руля власти не отменяла преемственности в выполнении этих программ. Но главное — *военно-бюрократический авторитаризм сделал ставку на развитие науки и новых технологий*. Чтобы стимулировать технический прогресс и инновации, правительство проводило политику ускоренной амортизации оборудования.

Дополнительные инвестиции в инновации освобождались от налогов, частным фирмам предоставлялись также специальные субсидии и кредиты для инновационной деятельности. Именно при военном режиме крупные фирмы стали создавать у себя научно-исследовательские и опытно-конструкторские подразделения. Быстро увеличивалось число научных институтов и центров, которые занимались технологическими разработками и подготовкой кадров специалистов. В стране удалось создать основы аэрокосмической индустрии и ядерную энергетику, разработать уникальную технологию получения моторного топлива из тростника, наладить выпуск отечественной электронно-вычислительной техники.

Успехи в последней области особенно впечатляющи. В 1972 году при Министерстве планирования и координации была организована Комиссия по деятельности в области электроники (КАПРЭ). Одним из важнейших результатов ее работы стало начало производства в Бразилии на предприятии «Кобра» в 1974 году собственных ЭВМ. С 1975-го по 1986 год доля компьютеров, произведенных в стране фирмами под контролем национального капитала, возросла с 5 до более чем 75 процентов. С 1979 по 1984 год число фирм, занятых производством микрокомпьютеров, возросло с 2 до 33. По темпам внедрения электронной техники и информатизации Бразилия в начале 1980-х годов не уступала многим развитым странам Западной Европы, в ней было сосредоточено более половины парка компьютеров всего континента. Правда, другим латиноамериканским странам не удалось даже близко приблизиться к уровню, достигнутому Бразилией в конце 1970-х — начале 1980-х годов в области электронно-вычислительной техники и программного обеспечения¹¹.

Не удалось этого сделать ни СССР, ни современной России, которая к настоящему времени по ряду направлений еще более отстала не только от стран-лидеров, но и от индустриально развитых государств. Многие исследователи объясняют это тем, что руководство страны не собиралось и не собирается проводить системную модернизацию по европейским лекалам, предполагающую в качестве необходимой составляющей реальную демократию, политическую конкуренцию и свободный от власти чиновничества рынок. Скорее всего это соответствует действительности. В силу цивилизационных

¹¹ Подробнее см. Модернизация: зарубежный опыт и Россия / В. А. Красильщиков (рук. авт. кол.) [и др.]. М., 1994. С. 59—65.

особенностей, экзогенного характера модернизации и ее регулярных срывов в нашей стране продолжают сохраняться элементы социальной архаики: социально-психологические архетипы общественного сознания и поведения, выражающиеся в произволе чиновников, социальной практике чиновных «кормлений», лишении домовладельцев земли, скупке богатыми земель вместе с населяющими их людьми, ставке на силу и привилегии.

Вместе с появлением «власти-собственности» (свободной конвертации власти в деньги и собственность и обратно) эти и некоторые другие виды социальной практики, как показывают исследователи, взаимосвязаны и несовместимы с индустриальным характером развития РФ. «Вероятно, — замечает А. Шубин, — наши правители осознают, что по мере смещения страны в “третий мир” она деградирует социально. Соответственно, задача перехода к модернизации может читаться как надежда переломить тенденцию деградации, развернуть вектор движения страны от регресса к возвращению на путь современного прогресса»¹².

Быть может. Но скорее всего наши федеральная и региональные элиты, в практиках которых все больше проступают феодальные черты, особенно опасаются потери привилегий, а руководство страны — ослабления «властной вертикали», скрепляющей ассиметричную РФ. Последняя действительно до сих пор не застрахована от распада вследствие внутренних и внешних вызовов. Судя по всему, именно этого больше всего боится власть, из года в год увеличивая финансирование армии и силовых ведомств¹³. Поэтому в обозримом будущем вряд ли стоит ждать изменения курса. Россия, как и прежде, пойдет по пути догоняющего развития при авторитарной форме правления. Важно, чтобы этот авторитаризм был авторитаризмом развития, отдающим доходы нефтегазового комплекса на индустриализацию страны, развитие образования и науки. Но именно этого и не происходит. Что же делать?

Думается, прежде всего следует взглянуть правде в глаза и признать, что огромная по масштабам и сложнейшая по структуре научно-техническая система России, непрерывно создававшаяся на протяжении 300 лет, уже более двух десятилетий остается почти без средств развития и без социальной поддержки. И это закономерно в обществе, которое переживает культурный кризис, где сформированные ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяются СМИ мифами самого разного толка и лженаукой. Итогом стало изменение системы координат массового сознания, в иерархии ценностей которого наука оказалась в самом низу пирамиды. Не случайно протесты ученых против поспешной «реформы» РАН не были поддержаны не только народом, но и вузовскими преподавателями. О политических и иных «элитах» даже не хочется говорить: они утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций науки.

Поэтому начиная с 1991 года Россия не только не приумножила свой промышленный ресурс, но в значительной степени его растеряла. В то время как, невзирая на кризисы, страны НИС («азиатские тигры»), Бразилия, Индия, Ки-

¹² А. Шубин. Модернизация и постиндустриальный барьер, или Почему у Медведева ничего не получается // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (<http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/>).

¹³ В течение 2013—2015 годов совокупные расходы федерального бюджета на национальную оборону должны вырасти на 5,89 процента (с 1007 до 1066 миллиардов рублей), а финансирование национальной безопасности и правоохранительных органов увеличится на 4,86 процента (с 1,59 до 1,66 триллиона рублей).

тай и другие продолжали неуклонно двигаться по пути догоняющего развития, модернизируясь на собственной культурной основе, Россия за последние двадцать лет пережила деиндустриализацию и еще больше отстала от них.

Несмотря на то, что 2011 год был отмечен экономическим ростом в 4,7 процента, этот рост оказался достигнут только за счет добывающей промышленности. А декларируемые Медведевым задачи (внедрение новейших медицинских, энергетических и информационных технологий, развитие космических и телекоммуникационных систем, радикальное повышение энергоэффективности) так и не были выполнены. В настоящее время наша страна живет за счет экспорта сырьевых ресурсов, а не за счет производства и экспорта высоких технологий и высокотехнологичной продукции. Для сравнения: в США экспорт высокотехнологичных производств и самих технологий составляет 95 процентов от общего объема экспорта. А поступления в бюджет от прогрессивных технологий, особенно высокотехнологичных производств, продажи наукоемких продуктов на внутренних и внешних рынках, составляют около 90 процентов. И тот факт, что в обозримом будущем страны НИС, Китай, Индия, Мексика, другие государства «второго эшелона развития» и близко не смогут приблизиться к этому показателю, нас утешить не может.

Но более всего удручает недалекость руководства страны, которое, постоянно декларируя необходимость отказа от углеводородной иглы и перехода к инновационному развитию, *не имеет государственной программы развития науки и даже не собирается увеличивать ее финансирование*. Так, в относительно благополучном 2007 году расходы на науку, включая оборонную, составляли примерно 1,07 процента ВВП. Это при том, что абсолютная величина ВВП России была примерно в два с половиной раза ниже, чем в Китае, и примерно в шесть раз ниже, чем в США¹⁴. В список развитых стран Россия, согласно Индикаторам науки и техники, не входит, а среди крупных развивающихся стран (Китай, Индия, Мексика, Бразилия, Индонезия) она в 2007 году занимала четвертое место.

В 2010-м это отставание не уменьшилось: ведь на науку гражданского назначения государство потратило всего 159 миллиардов рублей (95,5 процента от уровня 2009 года). При этом финансирование РАН было урезано: она получила от государства лишь 31,5 миллиарда рублей, что на 3,5 миллиарда меньше, чем в предыдущем. Кстати, ведущие страны поступают ровно наоборот: именно в период кризиса увеличивают вложения в науку, так как уверены, что только она способна найти эффективные способы выхода из кризиса. Например, в дополнение к уже выделенным десяткам и сотням миллиардов долларов президент США предложил конгрессу в 2009 году выделить еще 21 миллиард долларов. Политика Б. Обамы встретила полное понимание в конгрессе. Спикер палаты представителей Н. Пелоси заявила, что слова «наука, наука, наука» должны стать «лейтмотивом Демократической платформы»¹⁵.

¹⁴ Для сравнения: по данным самого полного из издающихся в мире справочников американских «Индикаторов науки и техники. 2008» (Science and engineering indicators. 2008), государственная поддержка науки, исчисляемая в процентах по отношению к национальному ВВП, выглядела так: США (2006) — 2,57, Израиль (2005) — 4,71, Швеция (2005) — 3,86, Финляндия (2006) — 3,51, Япония (2004) — 3,18, Южная Корея (2005) — 2,99, Германия (2005) — 2,51, Франция (2005) — 2,13, Великобритания (2004) — 1,73, Китай (2005) — 1,34.

¹⁵ *Цит. по: Беляева С.* Спасибо за стимул! // Поиск. 06.03.2009. С. 22.

Но у нас, как водится, собственный российский путь. Свидетельством тому — федеральный бюджет РФ на 2013—2015 годы, в котором финансирование науки и образования сократится с 605,6 до 572,6 миллиарда, что отражает истинную суть обещаний властей относительно модернизации. Финансирование РАН в 2013—2015 годах составит 111,2 миллиарда рублей. В 2013 году бюджетные ассигнования на деятельность академии составили примерно 36,3 миллиарда рублей; в 2014 году планируется выделить 37,4 миллиарда, в 2015-м — 37,5 миллиарда. С учетом инфляции и теперь уже реального слияния трех государственных академий в одну абсолютное сокращение финансирования очевидно.

Как очевиден и имитационный характер нынешней модернизации, состоящий в некритическом использовании и насильственном насаждении западных моделей организации образования и науки при полном игнорировании мнения специалистов и общественности. А то, что «реформа» академии обойдется бюджету примерно в 70 миллиардов рублей, наших инноваторов совсем не смущает. Судя по всему, они всерьез рассчитывают на «Роснано» и «Сколково», куда в общей сложности в следующем году будут «закачены» еще 250 миллиардов рублей.

Дело, понятно, хорошее. Непонятно, правда, зачем в Московской области надо строить еще один наукоград, и почему эти новые проекты до сих пор убыточны, а результаты видны лишь в микроскоп? Почему нельзя привлечь отечественный и зарубежный бизнес в уже существующие научные центры? Любопытный ответ на этот вопрос дал бывший «теневого» куратор проекта Вл. Сурков. На вопрос корреспондента, каковы начальные условия для возникновения этого «инновационного чуда», Сурков ответил: «1. Дерзость, Вера и Воля». А отечественные вузы и академические институты отнес к числу третьего по счету факторов. И это неудивительно, поскольку такой, как его назвал сам Сурков, «остров фантазий» будут создавать иностранцы: «Они сами скажут, что им нужно. Останется только исполнить. Нам нужна новая “Немецкая слобода”. Нам критически необходимо, чтобы сюда проникала более высокая культура производства, технологий и исследований — вместе с живыми ее носителями»¹⁶.

Ну что же — ходить за умом к варягам нам, со времен Гостомысла и Петра, не привыкать. Но рассчитывать всерьез на то, что «заграница нам поможет», не следует. Обмен будет происходить по старой неокOLONиальной схеме: «меняем “бусы” на нефть». Иными словами, какие бы импортные технологии мы ни покупали, они не будут «завтрашними», ибо никто не желает плодить собственных конкурентов. А технологии сегодняшнего дня к моменту их запуска в производство с неизбежностью будут вчерашними. Поэтому прогрессивные, особенно высокие, технологии и создаваемые ими наукоемкие высококонкурентные товары, так же как инновационный сектор экономики, можно создать лишь на основе собственной науки, собственных опытно-конструкторских разработок, собственных технологических проектов. Для этого наша наука и наше образование нуждаются в мощных инвестициях и государственной поддержке. Но, судя по всему, их-то они и не получают. Россия продолжает идти в колее зависимого развития, постепенно сползая в «третий мир» — мир сырьевых колоний Запада и рынков сбыта для глобального бизнеса. ◆

¹⁶ Сурков Вл. Чудо возможно // Ведомости. 14.02.2010. С. 4.